

ЭРНСТ ФОН ЗАЛОМОН. ПУТЬ ФРАЙКОРОВ В РУССКУЮ ЗАПАДНУЮ ДОБРОВОЛЬЧЕСКУЮ АРМИЮ¹

¹ Здесь приводится лишь небольшой фрагмент из обширного сборника мемуаров, подготовленного Э. фон Залоном, по германскому изданию: *Das Buch vom deutschen Freikorpskämpfer / Hrsg. E. von Salomon. Viöl/Nordfriesland, 2001* (репринт) (впервые вышло в свет в 1938 г.). Это свидетельство важно не столько демонстрацией взгляда непосредственного участника боевых действий, но, скорее, художественными приемами, которые использованы для их описания профессиональным литератором. Публикуется с разрешения руководителя издательства *Verlagsgruppe Bohlinger GmbH* Дитриха Болингера (*Dietrich Bohlinger*). Указанное издательство является правопреемником издательства *Archiv-Edition — Verlag für ganzheitliche Forschung*, опубликовавшего репринт в 2001 г.



**Das Buch
vom
Deutschen Freikorpskämpfer**

Herausgegeben
im Auftrage der Freikorpszeitschrift
„Der Reiter gen Osten“
von
Ernst von Salomon

Archiv-Edition

В перемирии² было сказано: немцы должны отойти на Олайскую позицию. Эстонцы же обязаны отступить к эстонско-латышской границе. Латыши Улманиса занимают Ригу, сам город; настроенному пронемецки премьер-министру пастору Ниедре будет предъявлено обвинение в государственной измене.

Олай, по-видимому, до войны был просто набором не слишком широко раскинувшихся усадеб, будучи несколько столетий одной из приграничных станций. Обозначенный на картах как «Олай» пункт располагался на Миссе, небольшой, полностью пересыхающей летом речке, прорезавшей митавскую королевскую рощу и болото Тируль. А на мосту, через прямую как стрела дорогу между Митавой и Ригой, стоял скромный обелиск с гербами герцогств Курляндия и Лифляндия. Однако, несомненно, этот населенный пункт Олай не имел никакого значения до того дня, когда на некоторых картах германского и русского Генштаба не поставили для украшения флажки. Ведь именно здесь германские позиции перерезали дорогу, разделяя точно пополам расстояние между обеими столицами остзейских провинций, и вот так и было с Олаем до 1917 г., когда началось германское наступление, а затем он вновь превратился в приграничное местечко, от которого, собственно, уже мало что осталось. И вот теперь, два года спустя, на заброшенных позициях вновь угнездились германские солдаты, вглядываясь в предполье в сторону Риги, города, располагавшегося в 22 км за вечной дымкой Тирульского болота. И вновь здесь протянулась граница, на мосту стояли часовые и спрашивали документы у прохожих, а в 6 км дальше в сторону Риги, прямо перед местечком Катериненхоф была латышская позиция, причем именно там, где раньше, до 1917 г., тянулись русские окопы. Между ними расстилалось болото, широкая травянистая равнина с отдельными редкими кустами и мириадами комаров самого неприятнейшего рода.

² Имеется в виду перемирие в Штрасденхофе, заключенное 3 июля после поражения ландесвера и фрайкоров в боях при Вендене. См. подробнее в мемуарах Й. Бишофа, с. 207–208 в этом издании.

Блиндажи сохранились хорошо, они были добротнo построены, из прочных бревен, да и помещения были не такие уж маленькие и низкие. Однако же с точки зрения защиты от бомбардировок расположены они были не вполне удачно, да и окопы, казалось, строились с той любовью и задумчивостью, с которой добрый обыватель в самых примитивных обстоятельствах пытается сделать свой быт более уютным. На этом участке фронта вплоть до 1917 г. события шли не так, чтобы уж очень захватывало дух³. На опушке леса кое-где были разбросаны окопы, украшенные чахлым березняком. В самих блиндажах между прорастающей травой еще можно было разглядеть устроенные лежанки из вязанок проволоки, которые очень пригодились бы.

Сквозь необыкновенно густой и запущенный лес на заболоченной почве проступали гати; то и дело спотыкались о пустые консервные банки, о забытые детали оснащения, но иногда попадались и останки убитых еще в мае большевиков⁴.

Здесь батальон фон Либермана провел целых три месяца, июль, август и сентябрь 1919 г. Солдаты сменялись на посту, отлеживались в добротных блиндажах, давили блох и каждый вечер разжигали огромные костры, чтобы отогнать мух. Они пробирались через лес, навещали соседние роты, а иногда и отправлялись в строго-настроено запрещенные патрули в предполье, чтобы странными и редкими шорохами вырвать из сонливости латышских часовых.

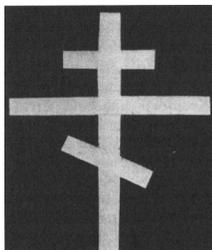
Антанта приказывала нам эвакуироваться из Прибалтики. А мы слушали об этом и смеялись. Затем и германское правительство отдало приказ о вывозе некоторых частей. Мы же полагали, что это — очередной трюк Носке, на который должны были купиться союзники, или же попытка умелым маневром обезвредить натиск твякующих в Национальном собрании независимцев⁵. Но потом мы узнали, что по приказу правительства с фронта выведены и эвакуированы войска Гвардейской резервной дивизии⁶ и фрайкор Пфедфера, якобы потому, что эти войска нужны для охраны границы, а там они более необходимы, чем под Ригой. Мы не сомневались, что данная мера лишь временная, а войска эти вскоре вернутся в Прибалтику. Затем

³ Автор, которому в сентябре 1918 г. исполнилось 16 лет, явно не слишком хорошо знаком с историей Первой мировой войны на Восточном фронте вообще и под Ригой в частности.

⁴ То есть во время операции по взятию Риги 22–24 мая 1919 г.

⁵ То есть членов Независимой социал-демократической партии Германии, занимавшей промежуточное положение между социал-демократами и коммунистами и обладавшей в конце 1918 — середине 1920 г. немалым влиянием.

⁶ См. воспоминания К. фон Плеве, с. 58–59 в этом издании.



Нарукавный знак добровольческой Западной армии



Prince Avall-Bermondet

Полковник князь Авалов-Бермондт, некогда — командующий добровольческой Западной армией



Нарукавный знак 2-го русского Западного корпуса Вырголича, в который входили многие германские формирования (публикуется по оригинальному изданию, где шеврон был опубликован в перевернутом виде)

стали говорить, что эти формирования и вовсе в защите границы не участвуют, а Гвардейскую резервную дивизию будто бы попросту тут же распустили, ведь Антанта потребовала сократить все германские вооруженные силы сначала до 150, а затем и до 100 тысяч человек⁷. Мы были убеждены, что все это неправда: ведь если уж кому-то и придется пройти расформирование, то как раз совершенно непригодным гарнизонным частям. Потом заговорили, что правительство категорически потребовало нашего возвращения в Германию и угрожает снять нас с довольствия. Мы же все думали, что так попросту не может быть, ведь правительство же признало и даже содействовало в наших требованиях к Латвии насчет поселения. В конце концов было заявлено, что Германия в любом случае вынуждена уступить пожеланиям Антанты. Однако же все те слухи, что доходили из Германии, подтверждали, что мирный договор никогда и никак подписан не будет. Так что все дело обострилось до крайности. Каждая новая весточка, что приходила из Германии, могла только усилить в войсках желание не сдавать отвоеванную ими землю. Ведь нам казалось, что права наши бесспорны, а пролитая за эту землю кровь дает должное основание для любых притязаний. Естественно, личный состав во все детали размышлений командиров не посвящали, однако же солдаты им доверяли, так что такое доверие обмануть было

⁷ Это было прописано в параграфах Версальского мира.

никак нельзя. 24 августа 1919 г. командующий Железной дивизией майор Бишоф взял и запретил эвакуацию своих подчиненных. Этот запрет был воспринят с облегчением. Ну, конечно, это был мятеж! Но каждый понимал, что это мятеж графа Йорка!⁸ Вероятно, даже наверняка, этот поступок просто обязан вызвать такой же подъем, как и сто лет назад, ну а если даже и нет, то и перспектива неудачи никак не освобождает от долга пойти ради цели на все. Воодушевленные солдаты Железной дивизии вечером устроили в честь своего командира факельное шествие⁹.

Перед каждым из нас в отдельности был поставлен вопрос, желает ли он остаться или выполнить приказ правительства. Почти все остались. Те же, кто все же предпочел послушаться, в своих частях, намеренных сохранить единство, как правило, были далеко не из лучших. Исчезли мародеры, последние охотники за рублями, весь этот сомнительный сброд, который все еще умудрялся просочиться в войска несмотря на все чистки, а теперь испугался, что будет растерзан в ходе последних ожесточенных боев. И все же уезжали и те формирования, которые сражались безупречно, однако последовали за командирами¹⁰, полагавшими, что в Германии есть возможность для лучшего и более плодотворного себе применения. Железная дивизия осталась почти в полном составе. Фрайкоры, до того в нее не входившие, объединились в Немецкий легион под командованием капитана Зиверта.

Затем с нами простился балтийский ландесвер. Он перешел под командование английского офицера и отправился на вновь образованный латышский фронт против большевиков¹¹. Балтийские

⁸ То есть события конца декабря 1812 г., приведшие к переходу прусских войск на сторону русской армии во время изгнания Наполеона из России и к последующему освобождению Европы, хотя начало им положила «измена» командующего прусскими войсками графа Йорка королю Пруссии, вынужденному еще некоторое время оставаться союзником Наполеона.

⁹ См. подробнее: мемуары Й. Бишофа, с. 247–250 в этом издании.

¹⁰ В том числе штаб отряда Йорка, штаб 2-й пехотной бригады, ряд отдельных батальонов и эскадронов из ранее выведенных полков. См.: Бои в Прибалтике. С. 274.

¹¹ Это случилось еще по условиям Штрасденхофского перемирия. Вместо германского офицера Альфреда Флетчера с начала июля 1919 г. вплоть до весны 1920 г. ландесвером командовал британский подполковник Харольд Александер (Харольд Руперт Леофрик Джордж Александер, 1-й граф Тунисский (Harold Rupert Leofric George Alexander, 1891–1969) — помощник руководителя британской военной миссии в Прибалтике, позднее британский фельдмаршал (1944), сыгравший крупную роль в сражениях Второй мировой войны), который 22 августа 1919 г. и вывел подчиненные ему войска ландесвера на антибольшевистский фронт в Латгалию.



Германские войска, поступившие на службу в добровольческую Западную армию, их отличает германская военная форма с русскими кокардами и погонами

немцы лишились и последнего. У них было только одно желание — попросту уцелеть, чтобы не пришлось разделить судьбу русских эмигрантов. Многие из нас отправились напоследок поприветствовать их. И вот они стоят в полном порядке в строю, все, кто остался из способных носить оружие мужчин этого немецкого племени. Стояли юноши, которым гимназический ремень еще стягивал узенькую талию, они чуть не падали под весом поклажи, а рядом с ними — старики, дворянские ландмаршалы, детские глаза из-под стальных шлемов на фоне иссеченных и суровых лиц... Они стояли молча, с несомненной бодростью духа, спасаясь этим горестным решением от мрачной перспективы жизни под владычеством своих же бывших батраков. Русский полковник, князь Авалов-Бермондт, как раз в это время собирал русских солдат, в основном освободившихся из плена, чтобы сформировать белогвардейскую армию и отправиться с ней на большевиков. Англичане были не особенно рады его прибытию в Прибалтику, зато мы сразу обратили на него внимание. Под его черкесской папахой роились фантастические планы, а поддержку он намерен был получить у «балтийцев». Германский командующий генерал граф фон дер Гольц последовал зову правительства рейха, но тут же вышел в отставку и вернулся уже как частное лицо к своим

войскам¹². Однако теперь номинальным командующим¹³ был Авалов-Бермондт. Латвии было направлено требование в случае наступления Западной русской армии на общего врага, на большевиков, оставаться по меньшей мере нейтральной. Бермондт намерен был нанести удар через Двинск, в глубь России, на Москву, извольте! Не более и не менее этого. Однако же Латвия потребовала от немцев эвакуироваться. Так что Бермондт решил начать свой крестовый поход с захвата Риги. И мы были с этим согласны.

Воззвание князя Авалова на борьбу с латышами.

Ко всем немцам

Из отрядов графа Келлера, Вырголича, Железной дивизии, Немецкого легиона, а также других уже перешедших или намеренных перейти на русскую службу германских формирований.

Солдаты!

Чтобы положить конец бесконечным коварным нападениям латышей, намеренных закрыть нам дорогу к ниспровержению большевизма, я с тяжелым сердцем принял решение взяться за меч.

Плечом к плечу с вашими русскими товарищами, вы в первом же порыве отбросили врага за Двину. Я был свидетелем вашего удалого натиска, когда вы гнали от деревни к деревне обладавшего зачастую тройным превосходством в силах врага. Я видел, как вы в ожесточенной рукопашной со значительно более многочисленным противником бились за каждую пядь земли. Я горд быть командиром таких войск и считаю честью иметь возможность отдавать вам приказы.

Солдаты! С чувством должной благодарности я сим подтверждаю обещание, которое было дано вам при поступлении в мою армию.

Ближайшим своим долгом я полагаю и впредь обеспечивать вам довольствие, жалованье и оснащение, предоставляя вам по меньшей мере должное существование.

Я еще раз подтверждаю все обещания относительно основ вашего прочного благосостояния и дальнейшего развития после разгрома большевизма и намерен признавать только такое пра-

¹² См.: Гольц Р. фон дер. *Моя миссия...* С. 273–281.

¹³ Этот эпитет автора лишний раз свидетельствует в пользу версии о том, что Бермондт-Авалов был лишь германской «марионеткой».

вительство, которое будет безоговорочно выполнять подписанный мною договор!

Каждому будет предоставлена возможность принять российское подданство и поступить на государственную службу. В соответствии с тем сроком, что отслужил, каждый из вас получит землю для поселения в избранной им самим части России за половину обычной в тех местах в 1914 г. цены. Правительство принимает на себя возмещение всех военных убытков и долгов, а пенсионное обеспечение производится согласно германским законам о пенсии для офицеров, о снабжении «лиц низших рангов имперской армии» и согласно закону о выплатах родственникам погибших.

Не считая борьбы против большевизма, являющейся высшей нашей миссией, я хотел бы мирным путем управлять занятой моими войсками страной. Я готов, насколько это возможно, отправлять в тыл в качестве борцов за дух и культуру лучшие элементы из состава боевых частей ради создания основ победы их собратьев на фронте.

Солдаты! Земля, ранее вам обещанная, и теперь еще лежит скрытая от ваших взоров грудой огромных задач. Однако же первый шаг сделан! Ваши умирающие товарищи призывают к вам: «Не предавайте нас! Добейтесь той цели, за которую мы пролили свою кровь. Мы умираем за вас. И чтобы жертвы наши были ненеприятными, пусть меч ваш не опускается до тех пор, пока не будет достигнута победа нашего дела!»

На полях Курляндии первая кровь уже пролилась! И лучше, нежели это могла бы сделать общая цель, эта кровь объединила немцев и русских в крепкое боевое братство.

Победители при Торенсберге! Вся Европа, затаив дыхание, следит за вашим мужеством в боях. Мир, пораженный и измотанный ужасами четырехлетней войны, попросту не может поверить, что здесь, на Востоке, все еще есть мужчины, которые могут, презирая смерть, поставить свою судьбу на кончик клинка.

Вы оставили свою прежнюю Родину, чтобы в составе моей армии завоевать себе право на новую жизнь. Эта великая цель объединяет сегодня и командиров, и солдат. И это общее желание делает бессильными все невзгоды, что были и еще будут.

Сложно оставаться твердыми, когда во всем Отечестве не признают твои цели и поливают грязью намерения.

Однако придет день — а мужество ваше показывает, что так и будет, — когда над освобожденной Россией воссияет рассвет вашей победы, а тогда и Отечество ваше со стыдом убедится, что

подвиги ваши подготовили основу для вечной дружбы и союза Германии и России.

Князь Авалов, командующий добровольческой Западной армией.

Мы прикрепили русские кокарды на наши фуражки, однако не преминули над ними оставить и германские. Мы с восторгом приняли бумажные деньги, которые наскоро приказал напечатать Бермондт, обеспечивались они тем военным имуществом, которое станет нашими трофеями.

В первые дни октября пришло известие, что латыши собираются наступать. Это нас не могло застать врасплох, ведь и мы к нему готовились. Чтобы упредить врага, наступление было назначено на 8 октября.

Флажки саперов уже реяли наготове, а вымпел висел на перекладине, как мокрый носовой платок. Ветер гнал навстречу черные грозовые облака. И насколько хватало глаз, вокруг уже не осталось ни одного дома, который бы не горел. Постепенно стемнело. Иногда дождь перемежался градом. Позиции медленно пропадали из виду, так что видны были только частые отблески. Вдруг позади нас усилился грохот выстрелов. Над нашими головами прогремели целые залпы, впереди начали рваться снаряды. Огонь становился все яростнее. Обер-лейтенант пустил красную сигнальную ракету. Всего через несколько секунд на лугах перед нами от разрывов наших снарядов взмыли вверх комья земли, постепенно слившиеся в завесу, которая медленно катилась вперед. Сзади подошла еще одна стрелковая цепь. Солдаты на большой дистанции шлепали друг за другом, согнувшись. На доверху забитых рюкзаках поперек лежали винтовки. По кокардам мы признали баварцев. Это был батальон Бертхольда. И едва они добрались до нашей линии, как обер-лейтенант показал нагайкой вперед и вскочил. Мы с трудом распрямылись и потащились скрюченными и затекшими ногами вместе с баварцами.

При каждом шаге станок пулемета, который я тащил, хлопал меня по крестцу. Я подозвал второго стрелка, который нес ствол, желая при первой же возможности смонтировать аппарат воедино. Однако линия неумолимо продолжала двигаться вперед, пусть и не особенно быстро. Подошвы наши захлюпали по воде. Один баварец рядом со мной вдруг рухнул, как будто собственный рюкзак его придавил. Обер-лейтенант, внезапно оказавшийся прямо передо мной, взял нагайку в правую руку. На левой же его расплывалось кровавое пятно. Марш стал быстрее. Вот, взыв — и, как собака, ничком, упал какой-то сапер. Шмиц со своим дулом бежал чуть правее и впереди,

а кожух водяного охлаждения куда-то исчез. Я глянул на трясущуюся подо мной почву и неуклюже запрыгал вперед, чтобы догнать нашу цепь. Один баварец потерял свой ранец, но побежал дальше, не оглядываясь. Другой вдруг встал как вкопанный и печально посмотрел вниз. Потом он мягко упал на колени.

Ничего из того рева, что врвался в мои уши, я не различал. Местность начала подниматься, становясь более твердой. Уже темнело, но пламя горящих домов бросало отблески света. Мои соседи по цепи уже были похожи на неясные черные тени. И вот передо мной провололочное заграждение. Я стал яростно тыкать ногой в эти мотки, похожие на кольца змеи. Один из них вскоре расшатался и упал мне на плечо. Дальше по пологому подъему. Кожух охлаждения я уж давно потерял. Выпростав руки из лямок, я прорывался через заросли травы, пробивающейся из светлого песка. Одной ногой запнулся. Что-то все время цеплялось за мою ношу, а я взбирался все дальше, затем, задыхаясь, лег на склон. Передо мной какая-то суета. Слева в темноту уходила насыпь, вдоль которой все торопились к брешу, а она была как раз напротив меня. Я бросил мою ношу и пополз туда. Пулемет уже поставили, закрепив лафет. Стрелок за щитком вдруг схватился за лоб и медленно сполз вниз по склону. Я схватил дуло и поправил аппарат. Вся оторопь этого дня вдруг слетела с меня, я взялся за дело. Пулемет трясся и извивался в руках как рыба, но я крепко и осторожно держал его, зажав трясущиеся «щечки» между коленями и выпустив одну ленту, а затем и вторую. Из дула со свистом вырывался пар. Я ничего не видел, а вот Шмиц вдруг, крича, дергаясь и даже пританцовывая, вскочил по склону, оттащил меня в сторону, а сам сел на мое место. Я схватил ручную гранату и побежал вперед. Мы прыгнули в какой-то окоп. Я наступал на обмякшие тела, как-то странно податливые, пробежал мимо темных нор, прикрытых обломками; поперек на узком проходе валялись грудами винтовки. Навстречу доносились крики, за земляными стенками отдавались глухие звуки разрывов ручных гранат. Вдруг надо мной показался Шмиц, перебросил свою винтовку, словно мост, через окоп и перепрыгнул. Я бросился за ним, схватился за дуло и вскарабкался по стенке. Передо мной оказалась брешь в насыпи, мы опять спотыкались о трупы. Одному я наступил на голову. За заграждением была и вторая позиция, чуть выше и бетонированная.

Мимо меня пронесся обер-лейтенант. Я успел увидеть, как тысячи тонких красноватых отблесков исказили его лицо. Дома польхали так, что было светло как днем. Глухой треск сливался воедино, сменяясь резким скрежетом, а затем падали балки.

Обер-лейтенант поднял нагайку над головой и стал созывать к себе роту. Я кинулся назад, искать свой пулемет. Из блиндажей